Литрес ≡ Классика

Чарльз Диккенс

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ

Чарльз Диккенс
Повесть о двух городах

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74687471
Повесть о двух городах: Литрес Классика; Москва; 2026

Аннотация

Лондон и Париж накануне и во время Французской революции. Судьбы нескольких героев – опального французского аристократа, его дочери, английского адвоката и простых горожан – переплетаются на фоне растущего народного гнева и кровавого террора. Это роман о любви и жертвенности, о возмездии и прощении, о том, как вихрь истории ломает человеческие жизни и обнажает в людях как лучшее, так и худшее.

Содержание

Часть первая 5
Глава I 5
Глава II 11
Глава III 21
Глава IV 29
Глава V 50
Глава VI 69
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Чарльз Диккенс
Повесть о двух городах

Эта повесть посвящается лорду Джону Расселу в знак памяти о многочисленных заслугах перед обществом и о внимании, многократно оказанном автору

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Часть первая
Возвращается к жизни

Глава I
Время действия

Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен; это был век мудрости, это был век глупости; это была эпоха веры, это была эпоха безверия; это были годы света, это были годы мрака; это была весна надежд, это была зима отчаяния; у нас было все впереди, у нас не было ничего впереди; все мы стремительно мчались в рай, все мы стремительно мчались в ад, – словом, то время было так похоже на наше, что наиболее крикливые его представители требовали, чтобы к нему применялась и в дурном и хорошем лишь превосходная степень сравнения.

На английском престоле восседал король с широкой челюстью и королева с некрасивым лицом; на французском престоле восседал король с широкой челюстью и королева с красивым лицом. В обоих государствах вельможи и лорды, обладатели благ земных, были твердо убеждены, что все благополучно и прочно установлено раз и навсегда.

То было лето от Рождества Христова тысяча семьсот семьдесят пятое. И в ту благополучную эпоху, так же как и в нынешнюю, Англии были ниспосланы особые откровения свыше. Миссис Соускотт[1] только что отпраздновала двадцать пятый день своего благословенного рождения, хотя некий пророк из солдат лейб-гвардии предсказал, что все

[1] Миссис Соускотт (1750–1814) – религиозная фанатичка, якобы обладавшая даром пророчества и другими сверхъестественными способностями. Имела до ста тысяч последователей.

уже готово для того, чтобы в этот самый день Лондон и Вестминстер провалились сквозь землю. Призрак, появлявшийся на улице Кок-лейн[2], всего только лет двенадцать как был укрощен, простучав все, что имел сообщить человечеству, совершенно так же, как в прошлом году новоявленные духи выстукивали свои сообщения, – мимоходом сказать, доказав этим сверхъестественное отсутствие всякой оригинальности. Другие сообщения – уже не столь сверхъестественным образом – начали с некоторых пор приходить по адресу английского народа и английских властей от конгресса британских подданных, находившихся в Америке[3]; и, как это ни странно, эти сообщения оказались несравненно более важными для человечества, нежели все, что до сих пор человечеству приходилось выслушивать от духов и призраков, кок-лейнских и иных.

Франция, по части спиритических откровений вообще менее взысканная Небесами, чем ее заморская сестра, полегоньку катилась себе под гору, фабрикуя бумажные деньги и транжиря их. Под руководством христианских своих пас-

---

[2] Привидение, появлявшееся на улице Кок-лейн, возбуждало много толков в Лондоне в шестидесятых годах XVIII в. Впоследствии выяснилось, что в роли привидения фигурировала молодая девушка, а целью появления мнимого призрака был шантаж.

[3] Английские колонисты в Северной Америке протестовали против вмешательства Англии во внутреннюю жизнь колоний, против вводимых налогов и пр. Эта оппозиция закончилась Войной за независимость и полным отпадением североамериканских колоний от Англии.

тырей забавлялась она, между прочим, и такими гуманными развлечениями: приговаривала юношу к отсечению обеих рук, вырыванию языка клещами и сожжению туловища живьем за то, что он не встал на колени – в грязи, под дождем, – в то время как на расстоянии пятидесяти или шестидесяти шагов от него проходила процессия монахов. Очень вероятно, что в ту пору, когда казнили этого страдальца, где-нибудь в лесах Франции или Норвегии росли те самые деревья, уже отмеченные Дровосеком-Судьбой, деревья, из которых потом вырежут бревна, напилят доски и построят некую переносную машину с падающим ножом, столь страшную в истории человечества. Очень вероятно, что в тот самый день где-нибудь в сараях у земледельцев, обрабатывающих тяжелую почву ближайших окрестностей Парижа, стояли запрятанные от дождя грубые телеги, забрызганные деревенской грязью, и свиньи обнюхивали их, а куры несли в них яйца, а Хозяйка-Смерть уже отметила их для перевозки осужденных на казнь во время революции. Но и Дровосек, и Хозяйка хоть и работают беспрерывно, но работают тихо, и никто не слыхал, как бесшумной поступью они продвигались вперед; тем более что, если бы кто осмелился заявить об их приближении, того провозгласили бы безбожником и предателем.

В Англии тоже жилось не слишком безопасно и спокойно; оснований для национальной гордости было не много. В самой столице каждую ночь совершались дерзкие грабежи, вооруженные люди врывались в дома, разбойники грабили

по дорогам. Семейным людям официально рекомендовалось не иначе выезжать за город, как сдав свою городскую движимость на хранение в мебельные склады. Разбойник, выезжавший ночью на большую дорогу, днем мирно торговал в Сити; а когда его же собрат по торговле, на которого он нападал под видом *капитана,* узнавал его и называл по имени, капитан благороднейшим образом простреливал ему череп и уезжал. На почтовую карету однажды напало семеро; кондуктор троих уложил на месте, а остальные четверо уложили его самого, потому что у него не хватило зарядов, – после чего они преспокойно ограбили почту. Сам великолепный вельможа, лондонский лорд-мэр[4], ехавший через Тернгемский выгон, был остановлен одним разбойником, который без всякой церемонии обобрал высокопочтенного сановника в присутствии всей его свиты. В лондонских тюрьмах узники учиняли настоящие битвы со сторожами, а представители закона палили в них из мушкетов. Воры ухитрялись отрезывать бриллиантовые звезды с благородных лордов, являвшихся ко двору на торжественные приемы. Мушкетеры входили в церковь Сент-Джайлса в поисках контрабандных товаров, и при этом простой народ стрелял в мушкетеров, а мушкетеры стреляли в народ; и всем это казалось в порядке вещей. И среди всей этой суеты без устали работал палач – работы у него было по горло, а дела не улучшались нисколько. Он был нарасхват: то вздернет гуртом целую гирлянду

[4] Лорд-мэр – городской голова лондонского Сити.

самых разнородных преступников, то повесит в субботу разбойника, пойманного не дальше как во вторник, то на площади у Ньюгетской тюрьмы[5] сожжет десятки людей, то у ворот Вестминстера спалит пачку бумажных памфлетов; нынче казнит страшнейшего злодея и убийцу, а назавтра – жалкого воришку, стащившего шесть пенсов у мужика-батрака.

Все эти факты и тысячи им подобных происходили в благословенное лето от Рождества Христова тысяча семьсот семьдесят пятое, да и немного позже. В такой обстановке, пока таинственный Дровосек и Хозяйка действовали неслышно и невидимо, те двое с широкими челюстями и другие двое – одна с некрасивым, а другая с красивым лицом – шествовали своим путем довольно шумно, широко пользуясь своими божественными правами. Таким-то образом этот тысяча семьсот семьдесят пятый год вел предназначенными им дорогами как этих высоких особ, так и мириады всякой мелкоты, в том числе и тех мелких существ, о которых будет речь в этой летописи.

[5] Старинная тюрьма, расположенная в центре Лондона и очень плохо содержавшаяся. Во второй половине XIX в. она была снесена.

Глава II
Почтовая карета

Поздним вечером в конце ноября, в пятницу, перед глазами первого из действующих лиц нашей повести тянулся Дуврский тракт. Это действующее лицо шагало по жидкой грязи рядом с почтовой каретой, медленно взбиравшейся по косогору Шутерсхилла; за ним плелись и остальные пассажиры; прогулка при таких обстоятельствах не доставляла никакой приятности, но подъем был так крут, дорога так грязна, дилижанс и сбруя так тяжелы, что лошади уже три раза останавливались, не считая того случая, когда они рванули карету вбок с мятежным намерением отвезти почту обратно в Блэкхиз. Но вожжи и хлыст, кучер и кондуктор соединились вместе и прочли им ту статью военного устава, которая запрещает всякую попытку к мятежу, и хотя в этом случае бессловесные твари явно подтверждали мнение, будто они тоже одарены разумом, тем не менее они смирились и снова принялись исполнять свои обязанности.

Понуря головы и потрясая хвостами, месили они глубокую грязь, спотыкаясь и барахтаясь всем телом, как будто угрожая развалиться на главные составные части. Каждый раз, как кучер давал им вздохнуть и останавливал карету, сдержанно произнося: «Ну-ну, смирно!» – передняя лошадь выразительно мотала головой, гремя всем, что было на

ней напутано, как бы желая сказать, что, по ее мнению, втащить карету на гору никак нельзя. И каждый раз, как передняя лошадь производила такое громыхание, пассажир нервно вздрагивал и смущался в душе.

Все лощины были полны тумана, который тоскливо всползал вверх по откосам холма, как нечистый дух, ищущий покоя и не находящий его. Туман был липкий, пронзительно-холодный и клубился в воздухе слоями, медленно надвигая один слой на другой подобно волнам какого-то ядовитого моря. Он был так густ, что заслонял все окрестные виды, и свет каретных фонарей только и освещал сами фонари да несколько ярдов дороги; а пар, валивший от лошадей, смешиваясь с окружавшим туманом, производил такое впечатление, как будто и весь туман шел от них же.

Двое других пассажиров помимо того одного также брели в гору рядом с каретой. Все трое были закутаны по самые уши и даже выше. Все трое были в высоких ботфортах. Ни один из них не мог бы догадаться, на что похож каждый из других сам по себе, и так же тщательно кутал от спутников свое звание и образ мыслей, как и свою внешность. В ту пору путешественники неохотно друг с другом знакомились, так как всякий встречный на большой дороге мог оказаться разбойником или в стачке с разбойниками. На каждой станции, на каждом почтовом дворе и в каждом придорожном кабаке был кто-нибудь на жалованье у капитана, и такими подручными его агентами бывали не только мелкие слуги и коню-

хи, но и сами хозяева гостиниц, так что подобное предположение всегда было в высшей степени вероятно. Так по крайней мере думал про себя кондуктор дуврского дилижанса в ту пятницу вечером в конце ноября тысяча семьсот семьдесят пятого года, стоя на своей подножке позади кареты, топчась от холода на месте, зорко глядя вперед и одной рукой придерживаясь за стоявший перед ним ящик с оружием, где сверху лежал заряженный мушкетон, под ним штук шесть или восемь заряженных седельных пистолетов, а на дне еще слой кортиков.

Дуврский почтовый дилижанс находился в своем нормальном состоянии в том отношении, что кондуктор подозрительно косился на пассажиров, а пассажиры друг на друга и на кондуктора; все подозревали всех, и кучер был уверен только в своих лошадях и с чистой совестью присягнул бы и на Ветхом, и на Новом Завете, что эти скоты никуда не годились.

– Ну-ну! – сказал кучер. – Пошевеливайся! Понатужьтесь еще маленько, тогда и доберемся до вершины, провал бы вас взял… Намучился я с вами!.. Джо-о!

– Ну? – отозвался кондуктор.

– Ты как думаешь, Джо, который теперь час?

– По крайней мере минут десять двенадцатого.

– Вишь ты! – молвил кучер с досадой. – А все еще не въехали на Шутеров холм. Эй! Ну-ну! Вперед, что ли!

Передняя лошадь только что принялась с величайшей

энергией отрицательно трясти головой, как удар хлыста помешал ей продлить это заявление: она дернула вперед, и остальные три лошади последовали за ней. Дуврский дилижанс опять тронулся в гору, и сапоги пассажиров снова начали месить грязь. Они останавливались в одно время с ним и не отставали от него ни на шаг.

Если бы хоть один из них отважился предложить которому-нибудь из спутников пройти немножко вперед, туда, где было темно и туманно, его, вероятно, тотчас пристрелили бы как разбойника.

Последнее усилие вывезло наконец почтовую карету на вершину горы. Лошади остановились отдохнуть, а кондуктор соскочил с подножки, затормозил колесо для спуска под гору и отворил дверцу кареты, чтобы впустить туда пассажиров.

– Тсс!.. Джо! – окликнул его кучер тоном предостережения и глядя с козел вниз.

– Ты что говоришь, Том?

Оба прислушивались.

– Я говорю, Джо, что за нами в гору мчится конь… рысью… Слышишь?

– А я говорю, вскачь! – отвечал кондуктор, выпустив из рук дверцу и вскакивая на свое место на запятках. – Джентльмены! Именем короля, приготовьтесь!

После такого поспешного воззвания он взвел курок у своего мушкетона и приготовился к обороне.

Пассажир, помянутый в начале этой главы, стоял на под-

ножке, собираясь войти в карету, двое других намеревались последовать за ним, но он все еще стоял на подножке, наполовину просунувшись внутрь экипажа, а остальные оставались внизу на дороге. Все они посматривали то на кондуктора, то на кучера и прислушивались. Кучер оглянулся назад, кондуктор обернулся в ту же сторону; даже рьяная передняя лошадь повернула голову туда же и, насторожив уши, никому на этот раз не противоречила.

Тишина, наступившая после того, как дилижанс перестал скрипеть и грохотать, казалось, еще усиливала тишину самой ночи и впечатление общего безмолвия. Дыхание усталых лошадей сообщало карете легкое сотрясение, как будто она сама была в тревоге. У пассажиров сердца бились так шибко, что их почти можно было слышать; во всяком случае, в затишье явственно можно было различить ускоренное и вместе с тем сдержанное дыхание людей, кровь которых обращалась быстрее и от подъема в гору, и от напряженного ожидания.

Между тем слышен был бешеный галоп мчавшейся вверх по косогору лошади.

– Го-го! – крикнул кондуктор нараспев и как можно громче. – Эй, вы, кто там, стой, не то буду стрелять!

Лошадь замедлила бег, шлепая по лужам и расплескивая грязь, и из тумана раздался человеческий голос:

– Это ли почтовая карета в Дувр?

– А тебе что за дело? – возразил кондуктор. – Ты кто та-

кой?

– Это ли дуврский почтовый дилижанс?

– Зачем тебе?

– Мне нужно видеть одного из пассажиров, коли это почта.

– Которого пассажира?

– Мистера Джервиса Лорри.

Отмеченный нами пассажир тотчас заявил, что его так зовут. Кондуктор, кучер и остальные два пассажира взглянули на него недоверчиво.

– Стой, где стоишь! – крикнул кондуктор по направлению голоса из тумана. – Не то я неравно ошибусь, и тогда тебе несдобровать! Джентльмен по имени Лорри, отвечайте ему.

– В чем дело? – произнес пассажир робким и дрожащим голосом. – Кто меня спрашивает? Джерри, это вы?

– Не нравится мне голос Джерри, коли это точно Джерри, – пробурчал себе под нос кондуктор. – Больно уж он хрипло говорит, этот Джерри!

– Точно так, мистер Лорри.

– Что случилось?

– Депешу вам привез, вдогонку послали, от «Т. и Ко».

– Кондуктор, я знаю посланного, – сказал мистер Лорри, слезая с подножки на дорогу, причем двое других пассажиров скорее быстро, чем вежливо, помогли ему в этом, немедленно сами влезли в карету, захлопнули дверцу за собой и подняли оконное стекло. – Позвольте ему подъехать побли-

же: опасности нет никакой.

– Будем надеяться, что нет, хоть я и не больно в этом уверен, – проворчал кондуктор. – Эй, вы!

– Я, что ли? – сказал Джерри еще более хриплым голосом.

– Подъезжайте шагом; слышите вы, что я говорю? И коли у вас есть кобуры у седла, уберите от них руки подальше, а не то смотрите у меня. Я человек горячий и могу ошибиться, того и гляди всажу в вас пулю невзначай… Ну, дайте на себя поглядеть.

Из тумана медленно выделилась фигура всадника и его лошади, тихим шагом подъехавшей к дилижансу с той стороны, где стоял пассажир. Всадник нагнулся, взглянул на кондуктора и подал пассажиру сложенную бумажку. Лошадь его тяжело дышала, и оба они, конь и ездок, были покрыты грязью от копыт лошади до шляпы ездока.

– Кондуктор! – произнес пассажир тоном успокоительным, деловым и конфиденциальным.

Бдительный кондуктор, держа правую руку на курке, а левой ухватившись за ствол приподнятого мушкетона и не спуская глаз с ездока, отрывисто отвечал:

– Сэр?

– Вы ничего не опасайтесь. Я служу в банке у Тельсона. Вам известна банкирская контора Тельсона в Лондоне? Я еду в Париж по делам. Дам крону на водку. Можно мне это прочесть?

– Коли недолго, так читайте, сэр.

Пассажир развернул бумажку и при свете каретного фонаря прочел сначала про себя, потом вслух: «В Дувре подождите барышню».

– Видите, кондуктор, уж, кажется, недолго… Джерри, скажите, что мой ответ таков: «Возвращен к жизни».

Джерри привскочил на седле.

– Вот так ответ… диковинный! – произнес он совсем охрипшим голосом.

– Так и скажите им от меня, тогда они будут знать, что я получил их записку, все равно как бы я написал ответ. Возвращайтесь назад как можно скорее. Прощайте!

С этими словами пассажир отворил дверцу и полез внутрь дилижанса. Остальные пассажиры и не думали ему помогать: еще раньше они поскорее спустили и запрятали в сапоги свои часы и кошельки, а теперь притворялись спящими без всякого иного повода, кроме желания избегнуть каких бы то ни было действий.

Почтовая карета потащилась дальше, и, по мере того как спускалась с холма, туман обступал ее все гуще.

Кондуктор вскоре положил мушкетон обратно в оружейный ящик, предварительно осмотрев, все ли там в целости, потом освидетельствовал запасные пистолеты, бывшие у него за поясом, и наконец осмотрел небольшой сундучок, бывший у него под сиденьем и содержавший кое-какие кузнечные инструменты, пару факелов и коробку с огнивом. Он был человек исправный и запасливый, так что, если бы, па-

че чаяния, каретные фонари потухли или разбились во время бури, что тоже иногда случалось, ему стоило только хорошенько затвориться от ветра внутри дилижанса, высечь огня, изловчившись, чтобы искры не попали в наваленную на полу солому, да и зажечь свечку; при особенно благоприятных условиях эту операцию возможно было произвести в каких-нибудь пять минут.

– Том! – вполголоса окликнул он кучера через верх кареты.

– Ну, Джо?

– Ты слышал, какой ответ посылали?

– Слышал, Джо.

– Как по-твоему, что оно означает, Том?

– Да ничего.

– Слово в слово, – молвил кондуктор задумчиво, – и мне то же самое показалось.

Тем временем Джерри, оставшись один в темноте и тумане, слез с лошади, желая не только облегчить измученную животину, но и самому маленько оправиться. Он обтер грязь с лица, вылил воду с полей шляпы, которая могла вместить до трех бутылок жидкости, и, перекинув поводья через руку, густо замазанную грязью, подождал, пока замолк в отдалении грохот колес почтовой кареты. Когда все снова стихло, он повернулся и пешком пошел вниз по дороге, ведя лошадь за собой.

– После такой скачки от самой заставы Темпла[6] небось станешь припадать на передние ноги, старушка; так уж я до тех пор на тебя не сяду, пока не выедем на ровную дорогу, – хрипло сказал гонец, глядя на свою кобылу. – «Возвращен к жизни». Вишь ты, какой чудной ответ! Кабы это часто случалось, плохо бы тебе пришлось, Джерри! Ась? Кабы вдруг вошло в моду «возвращать к жизни», Джерри, это была бы совсем неподходящая для тебя статья!

[6] В старину на главных улицах, ведущих в Сити, были устроены заставы. Одна из них находилась у Темпла, бывшего сначала монастырем рыцарского ордена тамплиеров, а впоследствии собственностью адвокатской корпорации.

Глава III
Ночные тени

Достоин размышления тот удивительный факт, что каждый человек по самой сущности своей представляет тайну и загадку для всякого другого человека. Когда я ночной порой въезжаю в большой город, на меня особенно глубокое впечатление производит мысль, что в каждом из этих мрачно толпящихся домов заключается свой особый секрет, что в каждой комнате каждого из них – своя тайна; и сколько бы сотен тысяч сердец ни билось в этих домах, каждое из них хоть в каком-нибудь отношении хранит свой секрет от ближайшего к нему сердца. Благоговейный ужас, навеваемый такими размышлениями, имеет нечто общее с таинственной загадкой смерти. Вот дорогая книга, которую я так любил и надеялся прочесть подробно и до конца, закрылась для меня, и никогда больше не стану я ее перелистывать. Никогда больше не могу заглядывать в бездонную глубь тех вод, где при свете случайно проникавших туда лучей виднелись мне потопленные дивные сокровища. Было предназначено, чтобы эта книга внезапно захлопнулась на веки веков, тогда как я успел прочесть только одну страницу. И было предназначено, чтобы та вода превратилась в вечный лед и мороз сковал ее в непроницаемую глыбу, пока свет играл на ее поверхности, а я стоял на берегу и ничего не понимал. Умер мой друг,

умер мой ближний, умерла моя возлюбленная – сокровище моей души, – и этим неумолимо подтверждается и продолжается на все будущие века тот секрет, который всегда заключался в личности того или другого человека, – секрет, который и я буду всегда носить в себе до конца моей жизни. Проходя мимо многих кладбищ этого города, я сознаю, что ни один из покоящихся там не более загадочен для живущих людей, чем каждый из живущих людей для меня, да и для каждого из них.

Что до этого естественного и неотчуждаемого наследия человеческой натуры, верховой гонец был одарен им в такой же степени, как и сам король, его первый министр и богатейший из лондонских купцов. То же можно сказать и о трех пассажирах, запрятанных в тесном пространстве старого, расшатанного почтового дилижанса. Друг для друга они были такой же непроницаемой тайной, как будто каждый из них ехал отдельно, в собственной карете шестериком, и притом по различным дорогам.

Гонец ехал назад рысцой, нередко останавливаясь у придорожных кабаков, чтобы выпить, но он не выказывал желания поболтать, а надвигал себе на глаза шляпу как можно ниже. Эти глаза были под стать его шляпе: такие же черные, неглубокие, выцветшие. Они сидели очень близко друг к дружке, как будто боялись быть пойманными в одиночку, а потому и подвинулись поближе один к другому. Выражение их было зловещее, и они мрачно выглядывали из-под старой

большой треугольной шляпы из разряда тех, что так похожи на плевательницу; а вокруг его шеи был повязан огромный шарф, спускавшийся почти до самых колен и закрывавший всю нижнюю часть его лица. При остановках для выпивки он левой рукой отворачивал шарф только на то время, пока вливал в себя жидкость правой рукой, и тотчас после этого опять закутывал свой подбородок.

– Нет, какова штука! – говорил гонец, размышляя все на ту же тему и едучи путем-дорогой. – Нет, Джерри, это для нас статья неподходящая. Мы с тобой честные промышленники, Джерри, но в нашем деле это совсем некстати. *Возвращается…* Вишь ты! Ей-богу, должно быть, он это сказал с пьяных глаз.

Ответ, который поручили ему передать, озадачил его до такой степени, что он несколько раз хватался за шляпу с намерением почесать в голове. За исключением макушки, почти совсем плешивой, остальная голова была покрыта жесткими щетинистыми черными волосами, которые росли очень низко, почти до самого носа, широкого и приплюснутого. Волосы его казались изделием кузницы: они были похожи на утыканный гвоздями забор; играя с ним в чехарду, самый искусный прыгун мог бы убояться перескакивать через его голову из опасения наткнуться на острия.

Пока он ехал рысцой с ответом, который должен был передать ночному сторожу, караулившему в будке у двери Тельсонова банка, что близ Темплских ворот, – этот сторож обя-

зан был передать ответ властям, заседавшим в недрах конторы, – ночные тени по сторонам дороги принимали в глазах всадника различные призрачные формы, соответственные смыслу везомого им загадочного ответа; а кобыле, вероятно, чудилось тоже что-нибудь страшное: она то и дело шарахалась в сторону.

Тем временем почтовый дилижанс грохотал, скрипел, качался и подскакивал дальше на своем горемычном пути, заключая в своих недрах все те же три неисповедимые загадки. Ночные тени осаждали и их, выводя перед их сонными глазами и взбудораженным мозгом всевозможные видения и образы.

Тельсонов банк играл значительную роль в этих снах. Служивший в банке пассажир сидел, просунув руку в кожаную петлю и держась за нее так крепко, чтобы по мере возможности не стукаться о своего соседа и усидеть в своем углу в тех случаях, когда карету встряхивало с особой силой; сидел он с полузакрытыми глазами, и сквозь ресницы слабо мерцали перед ним боковые окошечки кареты и передний фонарь и смутно чернела грузная фигура пассажира, сидевшего напротив. Мало-помалу эта закутанная фигура превратилась в банкирскую контору и стала вершить крупные дела. Дребезжание кареты обратилось в звяканье деньгами, и в течение пяти минут по векселям были выплачены такие суммы, каких у Тельсона не выдавали и в четверть часа, даром что у него было довольно сношений с английскими и загра-

ничными банками. Потом открылись перед ним кладовые в подвальном помещении Тельсона со всеми известными ему в этих пределах сокровищами и тайнами (а это совсем не безделица), и он ходил среди них со связкой тяжелых ключей и с тускло мерцавшей свечой и нашел, что все там цело, крепко, надежно и тихо, как он видел в последний раз.

Но хотя банк почти неотлучно участвовал во всех его грезах, да и дилижанс тоже смутно чувствовался все это время (наподобие того, как под влиянием наркотического средства все-таки смутно ощущается боль), было еще одно ощущение, непрерывной нитью проходившее через все остальное. Ему чудилось, что он едет откапывать кого-то из могилы.

Которое из лиц, вереницей возникавших перед ним в мелькании ночных теней, принадлежало тому, кого он должен был выкопать, он не знал; ночные тени не указывали этого; все они были лицом человека в возрасте около сорока пяти лет, и главное различие их состояло в том, какие страсти выражались на этом лице и какова была степень его изможденности, бледности и худобы. Гордость, презрение, гнев, упрямство, покорность, смирение попеременно отражались на этом лице со впалыми щеками, с землистым оттенком кожи, иссохшими руками и телом. Но в главных чертах лицо, с его преждевременно седыми волосами, было все одно и то же. Сто раз дремавший пассажир обращался к этому призраку с вопросами:

– Давно ли вы погребены?

И ответ был все тот же:

– Почти восемнадцать лет назад.

– Вы потеряли надежду, что вас когда-нибудь отроют?

– Давно потерял.

– Вам известно, что вы возвращаетесь к жизни?

– Так говорят.

– Надеюсь, что вам хочется жить?

– Не могу сказать.

– Показать вам ее? Хотите ее увидеть?

На этот вопрос ответы получались разные, иногда противоположные. Говорилось и так:

– Постойте! Если я ее увижу слишком скоро, это может убить меня.

Иногда призрак разражался потоком слез и нежно произносил:

– Ведите меня к ней!

Иногда он был ошеломлен и, уставившись глазами в пространство, отвечал:

– Я не знаю, кто это, не понимаю.

После такого воображаемого разговора пассажир мысленно принимался рыть то заступом, то большим ключом, то просто руками, стараясь выкопать из земли это несчастное существо. Вот оно наконец извлечено из могилы, на лице и в волосах приставшие комья земли… и вдруг оно распадается в прах… Пассажир вздрагивал, просыпался и опускал оконное стекло, чтобы ощутить наяву реальное впечатление

туманной сырости и дождя у себя на щеках.

Но даже и тогда, когда он с открытыми глазами смотрел на дождь и туман, на движущийся круг света, отбрасываемый фонарем, на полосу придорожной изгороди, мелькавшей мимо, ночные тени внешнего мира путались с ночными тенями его душевного состояния. Он ясно помнил банкирскую контору у Темплских ворот, и то, что он вчера там делал, и кладовые подвального этажа, и нарочного, присланного за ним вдогонку, и посланный ответ – все представлялось ему вполне реально. Но среди всех этих фактов действительности вставал вдруг призрачный образ, и опять он вопрошал его:

– Давно ли вы погребены?

– Почти восемнадцать лет назад.

– Надеюсь, что вам хочется жить?

– Не могу сказать.

И снова он роет и роет, пускает в ход и заступ, и пальцы, пока нетерпеливое движение которого-нибудь из спутников не напомнит ему, что пора закрыть окно.

Он поднимает стекло, продевает руку в ременную петлю, усаживается плотнее в угол и начинает разглядывать своих двоих задремавших соседей, пока нить размышлений не приводит его опять к банкирской конторе и к могиле.

– Давно ли вы погребены?

– Почти восемнадцать лет назад.

– Вы утратили надежду, что вас когда-нибудь отроют?

– Давно потерял.

Он только что слышал эти слова, и слышал явственно, как нельзя лучше, и вдруг вздрогнул, проснулся и увидел, что настало утро и ночные тени исчезли.

Опустив стекло, он выглянул наружу, на восходившее солнце. Перед ним тянулась борозда вспаханной земли и тут же лежал плуг, оставленный с вечера, когда выпрягли и увели лошадей. По ту сторону пашни виднелась тихая роща молодых деревьев, на которых еще оставались кое-где ярко-пунцовые и золотисто-желтые осенние листья. Почва была холодная и влажная, но небо чисто, и сияющее солнце вставало ясно, великолепно и радостно.

– Восемнадцать лет! – проговорил пассажир, глядя на солнце. – Боже Милостивый! Творец света дневного! Быть погребенным заживо в течение восемнадцати лет!

Глава IV
Подготовка

Когда почтовая карета еще до полудня благополучно при-

ехала в Дувр и остановилась перед гостиницей «Король Георг», старший лакей, по обыкновению, собственноручно распахнул дверцу дилижанса. Это совершалось с соблюдением некоторой торжественности, потому что в ту пору было с чем поздравить предприимчивого путешественника, в почтовом экипаже приехавшего из Лондона в Дувр.

К тому времени внутри кареты оставался только один такой предприимчивый путешественник, потому что двое других пассажиров вышли раньше и отправились, куда им следовало. Заплесневевшая внутренность дилижанса, наполненного сырой и грязной соломой, своим неприятным запахом и темнотой напоминала собачью конуру просторных размеров. А мистер Лорри, пассажир, вылезая оттуда и отряхиваясь от приставшей к нему соломы, укутанный в мохнатое одеяло, в шапке с наушниками и в забрызганных грязью ботфортах, был похож на собаку крупной породы.

– Служитель, завтра отправляют почтовое судно в Кале?

– Точно так, сэр, если погода позволит и ветер будет попутный. Часа в два пополудни начинается отлив, сэр, и это тоже поможет отплыть. Прикажете приготовить кровать, сэр?

– Я до ночи спать не лягу, но мне все-таки нужна спальня, и достаньте мне цирюльника.

– А потом изволите завтракать, сэр? Слушаю, сэр. Сюда пожалуйте, сэр… Эй, проводите джентльмена в Конкордию. Помогите джентльмену снять сапоги в Конкордии… Камин

топится, сэр; изволите сами убедиться, что углей довольно. Позовите цирюльника в Конкордию! Ну же, пошевеливайся… Эй, вы, в Конкордию!

Комната, именовавшаяся Конкордией, всегда отводилась пассажиру, приезжавшему в почтовой карете (а таковые всегда бывали чрезвычайно плотно закутаны с головы до ног), поэтому представляла для прислуги гостиницы «Король Георг» тот интерес, что в Конкордию входили весьма однородные с виду пассажиры, но выходили оттуда джентльмены всех возможных сортов и разрядов; вследствие этого другой лакей, двое носильщиков, несколько горничных и сама хозяйка постоянно и как бы случайно вертелись на пути между общим залом и Конкордией, когда оттуда вышел джентльмен лет шестидесяти, прилично одетый в полную пару платья коричневого цвета, довольно поношенную, но хорошо сохранившуюся, с большими четырехугольными обшлагами у рукавов и с такими же отворотами у карманов; он прошел в общий зал.

На ту пору там никого не было, кроме него. Завтрак накрыт был на особом столике у камина; он сел и при свете пылавшего огня сидел так смирно в ожидании кушанья, как будто с него собирались писать портрет.

Вид он имел чрезвычайно аккуратный и методический и сидел, положив ладони на колени, между тем как из-под длинных пол его жилета звонко тикали карманные часы, свидетельствуя о своей степенности и долговечности по сравне-

нию с легкомысленным треском быстро преходящего огня в очаге. У него были стройные ноги, и он немножко щеголял ими, судя по тому, что носил коричневые чулки из тонкой пряжи, плотно облегавшие икры, и башмаки с пряжками, простые, но изящные. Носил он также маленький гладкий белокурый парик, плотно притянутый к голове и, вероятно, сделанный из человеческих волос, но такого вида, как будто его фабриковали из шелковых или из стеклянных нитей. Его белье было не так тонко, как чулки, но белизной не уступало морской пене, выбрасываемой волнами на соседний берег, или парусам, что сверкали на солнце в открытом море, вдали. Его лицо, обыкновенно спокойное и чинное, все еще освещалось влажно блестевшими глазами, и позволительно было думать, что владельцу их в былые годы стоило немалого труда приучить их к тому степенному и сдержанному выражению, которое было обязательно в конторе Тельсонова банка. Щеки у него были румяные, и хотя слегка морщинисты, но на лице не было отпечатка тревог и житейских волнений. Это происходило, вероятно, оттого, что холостые служащие Тельсонова банка имели на плечах преимущественно чужие заботы: а чужие заботы, так же как и платье с чужого плеча, носятся небрежнее и легче скатываются с плеч, чем свои собственные.

В довершение сходства с человеком, с которого пишут портрет, мистер Лорри задремал сидя. Разбудил его лакей, принесший кушанье, и мистер Лорри сказал ему, поворачи-

вая кресло к столику:

– Надо приготовить еще помещение для молодой леди, которая может приехать сегодня во всякое время. Она, вероятно, спросит мистера Джервиса Лорри, а может быть, просто джентльмена из Тельсонова банка. Тогда доложите мне немедленно.

– Слушаю, сэр. Тельсонов банк в Лондоне, сэр?

– Да.

– Точно так, сэр. Мы частенько имеем честь прислуживать вашим джентльменам; они ведь то и дело ездят взад и вперед между Лондоном и Парижем, сэр. Очень много ездят господа от конторы Тельсона и компании.

– Да, наш дом столько же французский, как и английский торговый дом.

– Точно так, сэр. Сами-то вы, кажется, не часто изволите ездить, сэр?

– В последние годы не ездил. Вот уж пятнадцать лет, как мы… то есть я… не был во Франции.

– Неужто, сэр? Стало быть, это было еще до меня, сэр. В то время никого из теперешних тут не было. Гостиница в ту пору была в других руках, сэр.

– Должно быть, так.

– Но я готов заложить порядочную ставку, сэр, что Тельсонов банк процветал не то что пятнадцать, а, пожалуй, и все пятьдесят лет тому назад.

– Смело можете утроить цифру; скажите «сто пятьдесят»,

и то не ошибетесь.

– Неужто, сэр?

Сомкнув губы сердечком и округлив глаза, лакей отступил на шаг от стола, перекинул салфетку с правой руки на левую, утвердился покрепче на одной ноге и все время, покуда гость ел и пил, надзирал за ним как бы с башни или с высоты сторожевой вышки, как, впрочем, все вообще трактирные слуги во все времена, везде.

Покончив с завтраком, мистер Лорри вышел прогуляться по морскому берегу. Маленький, узкий и кривой городишко Дувр словно морской страус уткнулся головой в меловые утесы. Побережье представляло собой пустынное зрелище нагроможденных камней, о которые бились морские волны: море делало что хотело, а хотело оно только разрушать. Оно с грохотом налетало на город, отчаянно ударялось об утесы, отрывало и уносило куски берегов. Воздух вокруг домов был так пропитан запахом рыбы, как будто больная рыба имела обыкновение купаться в нем, наподобие того как больные люди ходят купаться в море. В гавани рыбу ловили редко, а приходили туда ночью погулять, а главное, обращали взоры к морю, особенно перед началом прилива. Мелкие лавочники, торговавшие кое-какой дрянью, иногда вдруг оказывались обладателями крупного состояния. Замечательно, что в этой местности обыватели терпеть не могли, чтобы зажигались фонари.

Во весь день стояла ясная погода, и воздух был так про-

зрачен, что не раз можно было простым глазом рассмотреть французский берег; но под вечер поднялся туман, и мысли мистера Лорри также стали омрачаться. Когда стемнело, он опять присел к огню в общем зале, поджидая своего обеда, как поутру поджидал завтрака, и, устремив глаза на раскаленные угли, снова стал копать, копать, копать – на этот раз среди раскаленных углей.

Бутылка доброго красного вина – вещь невредная для подобного землекопа, хотя, пожалуй, с течением времени делает его неспособным к дальнейшему труду. Мистер Лорри долго сидел в полном бездействии, но с тем довольным видом, какой бывает у пожилого джентльмена с румянцем во всю щеку, когда его бутылочка подходит к концу. Он только что налил себе в стакан последние капли вина, как услышал грохот колес, въезжавших сначала вверх по узкой и крутой улице, а потом во двор гостиницы.

Он поставил стакан на стол, не притронувшись к нему губами.

– Это Mam'selle! – промолвил он.

Через минуту пришел лакей и доложил, что мисс Манетт приехала из Лондона и очень желает видеть джентльмена от Тельсона и К°.

– Как, сейчас?

– Мисс Манетт закусывала дорогой и теперь ничего не хочет, ей только крайне желательно повидаться с джентльменом от Тельсона, если ему удобно и угодно пожаловать к ней.

Джентльмену от Тельсона только и оставалось после этого опорожнить свой стакан с видом отчаянной решимости, хорошенько надвинуть на уши белокурый парик и последовать за лакеем в комнату, отведенную для мисс Манетт.

Комната была большая, темная, мрачно меблированная, с обивкой из черного конского волоса и множеством тяжелых столов темного дерева. Они так часто полировались и натирались маслом, что две свечи, стоявшие посреди комнаты на столе, отражались слабым светом в каждом из них, как будто они были похоронены в глубине почерневшего красного дерева и до тех пор не дадут настоящего света, пока их не отроют.

Темнота была так непроницаема, что мистер Лорри, ощупью ступая по изношенному ковру, думал поискать молодую девицу в другой комнате, но, пройдя мимо свечей, вдруг увидел стоявшую между ними и топившимся камином мисс Манетт – особу лет семнадцати, двинувшуюся ему навстречу в дорожном плаще и с соломенной шляпкой, которую она держала в руке, ухватив ее за завязки. Он смотрел на эту грациозную фигурку небольшого роста, тоненькую, с хорошеньким личиком, обрамленным густыми золотистыми волосами, с вопросительными голубыми глазами и гладким лбом, который имел удивительную способность (принимая во внимание крайнюю ее молодость) быстро менять выражения: тревога, изумление, замешательство или просто оживленное внимание – все это сменялось с такой быстротой, что иногда

казалось, будто все эти четыре выражения являются там одновременно, и, глядя на нее, он был вдруг поражен ее сходством с маленьким ребенком, которого он вез на руках через этот самый пролив в одну холодную зимнюю ночь, когда море под ними бушевало, а сверху обдавало их градом. Это видение мелькнуло перед ним и пропало, словно исчез след горячего дыхания с потускневшего зеркала, стоявшего за нею, в резной раме из черного дерева, изображавшей целый лазарет убогих черных купидонов (иные были без голов, и все калеки), предлагавших черные корзины с обгорелыми фруктами каким-то черным божествам женского пола… Видение исчезло, и мистер Лорри отвесил низкий поклон мисс Манетт.

– Прошу садиться, сэр, – произнесла она очень чистым и приятным молодым голосом с легким, очень легким иностранным акцентом.

– Целую ваши ручки, мисс, – ответствовал мистер Лорри в духе старинной любезности и, еще раз поклонившись, сел на стул.

– Вчера я получила письмо из банка, сэр, с извещением, что есть новые сведения… или открытия…

– Это все равно, мисс; оба выражения равно приложимы.

– …касательно имущества, оставшегося после моего бедного отца… Я его никогда не видала… Он так давно скончался!..

Мистер Лорри завозился на своем стуле и устремил сму-

щенный взор на процессию увечных черных купидонов… Как будто в их нелепых корзинках можно было найти что-нибудь путное!

– …и что поэтому мне нужно съездить в Париж и повидаться там с джентльменом из Тельсонова банка, который был так добр, что согласился ради этого ехать в Париж…

– Это я и есть.

– Так я и думала, сэр.

Она сделала ему реверанс (в те времена девицы еще делали реверансы) с милым намерением дать ему почувствовать, что она понимает, насколько он старше, почтеннее и умнее ее. Он опять встал и отвесил ей поклон.

– Я ответила банку, сэр, что если лица, знающие дело и благоволящие подать мне советы, считают нужным, чтобы я ехала во Францию, то я, будучи сиротой и не имея никого знакомых, кто мог бы проводить меня, сочла бы великой для себя милостью, если бы мне было дозволено совершить это путешествие под покровительством того достойного джентльмена. Он уже в то время выехал из Лондона, но, если не ошибаюсь, к нему послали нарочного с моей покорнейшей просьбой подождать меня здесь.

– Мне весьма лестно, – сказал мистер Лорри, – что на меня возложили такое поручение, и еще более лестно мне будет исполнить его.

– Сэр, я вам чрезвычайно благодарна; премного обязана вам. В банке мне сказали, что джентльмен объяснит мне

все подробности дела и что я должна приготовиться к тому, что узнаю нечто изумительное. Я старалась приготовиться как умела, а теперь, натурально, сильнейшим образом желаю узнать, в чем дело.

– Весьма естественно! – сказал мистер Лорри. – Да… вот я…

Он запнулся, помолчал и сказал, надвигая на уши парик:

– Затрудняюсь, с чего начать.

Он колебался, взглянул на нее и встретился с ней взглядом. Она подняла брови с тем сложным и оригинальным выражением, которое придавало особую прелесть ее полудетскому личику, и в то же время протянула руку, как бы невольным движением желая поймать или удержать не то призрак, не то воспоминание.

– Вы… вы мне совсем посторонний человек, сэр?

– Посторонний ли?.. – молвил мистер Лорри, подняв обе руки ладонями кнаружи и глядя на нее с улыбкой.

Между бровей, над ее тонким, деликатно выточенным носиком, залегла глубокая морщинка, и она задумчиво опустилась в кресло, возле которого до сих пор стояла. Он наблюдал ее молча и, когда она вскинула на него глаза, заговорил снова:

– Здесь, на вашей приемной родине, вы мне позволите звать вас так, как у нас в Англии принято называть молодых девиц, мисс Манетт?

– Сделайте одолжение, сэр.

– Мисс Манетт, я человек деловой. Мне предстоит выполнить деловое поручение. Прошу вас, когда я приступлю к делу, не обращайте на меня внимания или смотрите просто как на говорильную машину. Это и есть в действительности мое назначение. С вашего позволения, я изложу вам историю одного из наших клиентов.

– Историю?

Он как бы с намерением не расслышал повторенного ею слова и поспешно продолжал:

– Ну да, клиента. Так мы называем джентльменов, с которыми имеем постоянные дела. Он был родом француз; ученый джентльмен… чрезвычайно образованный, даже доктор медицины…

– Из Бове?

– Гм… да, из Бове… Как и ваш батюшка, господин Манетт, тот джентльмен был также из Бове; и, так же как господин Манетт, этот джентльмен пользовался в Париже весьма хорошей репутацией. Там я имел честь с ним познакомиться. Мы имели сношения делового характера, но я был его доверенным лицом. В то время я служил во французском отделении нашей конторы и жил там… о, лет двадцать.

– В то время… позвольте узнать, сэр, о каком времени вы говорите?

– Я говорю, мисс, о том, что было тому назад двадцать лет. Он женился на… на англичанке, и я был одним из попечителей над его имуществом. Все его дела, равно как дела

многих других французских джентльменов и французских фамилий, находились в руках Тельсона. А потому я был, да и теперь состою, поверенным или опекуном многих клиентов нашего дома. Все это отношения чисто делового характера, мисс; тут нет ни дружбы, ни личной привязанности и вообще ничего похожего на чувство. В течение деловой моей жизни я занимался делами то одного, то другого лица, точно так же в течение дня, сидя в конторе, перехожу от одного клиента к другому. Короче говоря, чувств у меня никаких… я машина, и больше ничего. Возвращаясь к нашему предмету…

– Но ведь это история моего отца, сэр; я начинаю думать (нахмуренный лобик уставился на него с самым внимательным выражением), что когда мать моя скончалась, только на два года пережив моего отца, и я осталась круглой сиротой, то именно вы и привезли меня в Англию. Я почти уверена, что это были вы.

Мистер Лорри взял нерешительно протянутую ему ручку и довольно церемонно приложился к ней губами. Потом он подвел молодую девушку обратно к ее креслу, усадил и, держась левой рукой за спинку этого кресла, а правой то потирая себе подбородок, то поправляя парик, то выделывая в воздухе различные фигуры для подтверждения своих речей, стал смотреть на нее сверху вниз, между тем как она подняла к нему свое лицо.

– Мисс Манетт, это был я. И вот видите, как я прав, говоря, что я человек без всяких чувств и что все мои сноше-

ния с ближними только деловые; ведь с той поры я ни разу не виделся с вами. С той поры вы все время состояли под опекой Тельсонова банка, а я занимался банковыми делами у Тельсона – только и всего. Какие тут чувства. Не до них мне, да и некогда ими заниматься. Вся моя жизнь проходит в том, что я, ухватившись за рукоятку, верчу громадное денежное колесо.

Дав такое странное определение своей повседневной деятельности, мистер Лорри обеими руками прихлопнул к голове свой парик (что было совершенно излишне, так как он и без того сидел вполне гладко) и принял прежнюю позу.

– До сих пор, мисс, как вы изволили заметить, эта история похожа на историю вашего покойного отца. Теперь пойдет другое. Если бы ваш батюшка тогда не умер… Не пугайтесь. Как вы вздрогнули!

Она встрепенулась с головы до ног и обеими руками ухватилась за его руку.

– Ну, полноте, – сказал мистер Лорри успокоительно, сняв со спинки свою левую руку и поглаживая ею дрожащие пальчики, обвившиеся вокруг его правой, – пожалуйста, уймите свое волнение… ведь у нас деловой разговор… Итак, я говорю…

Ее умоляющий взгляд так расстроил его, что он сбился, помолчал, потом начал сызнова:

– Я говорю, если бы господин Манетт не умер, а вместо того внезапно и таинственно исчез; если бы его вдруг похитили

и упрятали в такое место, что никакими средствами нельзя было отыскать его следов; если бы у него был среди соотечественников такой могущественный враг, который мог воспользоваться особой привилегией, о которой, как я сам бывал свидетелем, даже наихрабрейшие люди отзывались шепотом, с опаской; так, например, существует во Франции такая привилегия, что от имени короля выдаются бланки, на которых стоит только вписать чье-нибудь имя, и этого человека заключат в темницу на какой угодно срок… И если бы жена его понапрасну умоляла короля, королеву, придворных, лиц судебного ведомства, духовенство, умоляла о том, чтобы ей дали о нем хоть какие-нибудь сведения, и ничего не добилась… Вот тогда история вашего отца была бы тождественна с историей этого джентльмена… Доктора из Бове.

– Умоляю вас, сэр, продолжайте.

– Сейчас… Непременно! Вы в состоянии выслушать?

– Я в состоянии перенести что угодно, только бы не томиться неизвестностью, а вы меня томите.

– Вы говорите решительно, и вы… в самом деле такая решительная. Это хорошо! (На словах он был доволен, но на деле сильно тревожился.) Мы ведем деловой разговор… Вы так и рассматривайте предмет, как дело, требующее спокойного обсуждения. Ну и положим, что жена этого доктора, дама с большим характером, так намучилась этим еще прежде, нежели родился на свет ее младенец…

– Этот младенец был девочка, сэр.

– Девочка, да. И… и… мы говорим о делах… вы не волнуйтесь… И положим, мисс, что эта бедная дама так намучилась еще до рождения ребенка, что решилась избавить свое бедное дитя хоть от некоторой части пережитых ею страданий и ради этого надумала воспитать свою дочку так, чтобы она считала своего отца умершим… Нет, зачем… ради бога, зачем вам передо мной становиться на колени?

– Умоляю вас, скажите правду… Милый, добрый, сострадательный сэр, скажите всю правду!

– Э… э… ведь мы о делах… Вы меня конфузите, а как же я буду вести деловой разговор, коли я сконфужен? Тут необходимо хладнокровие. Вот если бы вы мне изволили сказать, например, много ли составят девять раз девять пенсов или сколько шиллингов в двадцати гинеях, это бы меня ободрило. Я бы сам оправился, да и насчет вашего душевного состояния был бы спокойнее.

Не давая прямого ответа на такое заявление, она сидела так смирно, после того как он потихоньку поднял ее с колен и посадил в кресло, и ее руки, не отрывавшиеся от его руки, дрожали настолько менее прежнего, что мистер Джервис Лорри до некоторой степени тоже успокоился.

– Это хорошо, очень хорошо! Мужайтесь. Мы о деле рассуждаем. И вам предстоит заняться делом, полезным делом. Мисс Манетт, мать ваша так и поступила относительно вас. И когда она скончалась, кажется, от разрыва сердца, до самого конца не переставая тщетно разыскивать вашего отца,

вам было от роду два года, и вот вы росли спокойно и счастливо и расцвели, как прекрасный цветок, не ведая мучительной заботы о том, умер ли ваш отец, истощив свои силы в тюрьме, или еще жил там многие годы.

Говоря это, он смотрел на нее сверху вниз с нежной жалостью, любуясь ее пышными золотистыми волосами и как бы думая, что и они могли преждевременно подернуться сединой.

– Вам известно, что у ваших родителей не было большого состояния; а что было, то закреплено за вашей матерью и за вами. С тех пор ничего нового не открыли ни по части денег, ни другого имущества; только…

Он почувствовал, что она крепче сжала его руку. Выражение ее лица с приподнятыми бровями, с первого взгляда поразившее его своей оригинальностью, застыло теперь в припадке скорбного ужаса.

– Только он… он сам отыскался. Он жив. По всей вероятности, сильно изменился; возможно, что захирел… хотя, будем надеяться, не совсем. Но все-таки жив. Ваш отец перевезен в дом одного старого слуги в Париже; и мы поедем туда; я – с тем, чтобы, буде возможно, признать его личность, а вы – возвратить его к жизни, любить, покоить и всячески утешать.

Дрожь пробежала по ее телу, а через нее сообщилась и ему. Она произнесла тихо, внятно, благоговейно, как будто говорила во сне:

– Я увижу лишь его призрак… Это будет его призрак, а не он.

Мистер Лорри тихонько похлопывал по ручкам, впившимся в его руку.

– Ну вот, ну вот… Теперь хорошо… И отлично. Теперь вы все знаете, и лучшее и худшее. И вы на пути к бедному пострадавшему папеньке; и вот, коли Бог даст благополучно переправиться за море да благополучно совершить сухопутный переезд, вы скоро, очень скоро будете с ним.

Она произнесла тем же тоном, переходившим теперь в шепот:

– А я-то все время жила на воле, была счастлива, и никогда мне не являлся его призрак!

– Еще вот что я вам скажу, – молвил мистер Лорри значительно, желая отвлечь ее внимание от мучительных представлений, – он найден под другим именем; его собственная фамилия или давно позабыта, или ее скрывали; теперь уж более чем бесполезно справляться, позабыли ли его в тюрьме или с намерением держали так долго; более чем бесполезно наводить какие бы то ни было справки: это опасно. Лучше совсем не упоминать об этом обстоятельстве, нигде и никогда не делать никаких намеков на него и увезти его, по крайней мере на некоторое время, из Франции. Даже и я сам, даром что английский подданный, притом служащий в Тельсоновом банке, что дает мне особый вес на французской почве, ни единым словом не смею намекнуть на эти обстоятельства,

не везу ни единого писаного клочка, имеющего отношение к этому предмету. Мне дали поручение под строжайшим секретом; а все мои полномочия, памятные записки и рекомендательные письма заключаются в одной строке: «Возвращен к жизни», которую можно истолковать как угодно… – Но что же это такое? Она и не слышит, что я говорю!.. – Мисс Манетт!

Она сидела совершенно неподвижно и прямо, даже не откинувшись на спинку кресла, точно окостенела под его рукой, без чувств, с открытыми глазами, уставившись на него все с тем же скорбным и напряженно-испуганным выражением, как бы высеченным или выжженным у нее на лице. Она так крепко стиснула ему руку, что он боялся отцепить ее пальцы, опасаясь повредить ей, а потому громко стал звать на помощь прислугу, не трогаясь с места.

Прежде всех вбежала в комнату безумного вида женщина. Невзирая на встревоженное состояние своего духа, мистер Лорри невольно заметил, что лицо у нее все сплошь красное, волосы тоже красные, платье необыкновенно плотно обтягивает всю ее фигуру, а на голове у нее какая-то удивительная шляпка, похожая не то на гренадерскую деревянную манерку обширных размеров, не то на большой стильтонский сыр. Ринувшись вперед и оставив далеко за собой сбегавшихся слуг, она разом порешила вопрос об отцеплении его от бедной молодой девушки и дала ему в грудь такого тумака своей здоровенной рукой, что он отлетел и ударился спиной о

ближайшую стену.

«Это, должно быть, мужчина!» – решил про себя мистер Лорри в момент своего столкновения со стеной.

– Да что же вы стоите? – гаркнула эта особа, обращаясь к трактирной прислуге. – Чем стоять да глядеть на меня разинув рты, пошли бы да принесли, что нужно. Что вы на меня уставились? Ступайте же, несите нюхательного спирту, холодной воды, уксусу! Ну, живо! Не то вот я вам задам!

Прислуга мигом разбежалась в разные стороны за означенными медикаментами, а она бережно отнесла пациентку на диван, уложила ее очень искусно и нежно, называя «сокровище мое, птичка моя», и не без гордости тщательно расправила по плечам ее роскошные золотистые волосы.

– Эй, вы, коричневый кафтан! – обратилась она к мистеру Лорри с большим негодованием. – Разве нельзя было сказать ей того, что вы ей говорили, не перепугав ее до смерти? Взгляните-ка на это милое бледное личико и на холодные ручки… И *это* у вас называется служить в банке?!

Столь затруднительный вопрос так озадачил мистера Лорри, что он мог лишь смиренно стоять и издали следить сочувственным оком – следить за тем, как эта мощная женщина, разогнав слуг таинственной угрозой *задать* им чего-то, если они немедленно не перестанут глазеть и не уберутся вон, постепенно привела девушку в чувство и уговорила ее положить ослабевшую головку к ней на плечо.

– Теперь, надеюсь, она совсем оправится, – сказал мистер

Лорри.

– Коли оправится, то не по вашей милости, коричневый кафтан!.. Милочка моя, бесценная.

– Надеюсь, – сказал мистер Лорри, помолчав некоторое время с видом смирения и беспомощной симпатии, – что вы изволите сопровождать мисс Манетт во Францию?

– Ну нет, покорно благодарю! – ответила мощная женщина. – Если бы Богу было угодно, чтобы я плавала по соленым водам, разве Он дозволил бы мне родиться на острове?

На этот вопрос было еще труднее ответить, и мистер Джервис Лорри удалился в свою комнату, чтобы как следует обдумать его.

Глава V
Винная лавка

Большая бочка с вином упала и разбилась среди улицы. Это случилось в ту минуту, когда бочку снимали с телеги: она с грохотом вывалилась на мостовую, обручи лопнули, бочка расселась перед самыми дверями винной лавки и рассыпалась наподобие ореховой скорлупы.

Все ближайшее население побросало свои дела и безделье и сбежалось к этому месту пить вино. Грубые, неотесанные камни мостовой, торчавшие остриями во все стороны и как бы нарочно приспособленные к тому, чтобы увечить каждого из проходящих, образовали вместилища, где вино задерживалось в виде лужиц, и вокруг каждой такой лужицы собрались тесные кучки людей. Мужчины, стоя на коленях, зачерпывали вино горстями и пили его прямо из руки или пытались поить женщин, которые тянулись через их плечи и пили, пока вино не уходило между пальцев. Другие мужчины и женщины черпали из лужиц глиняными черепками от битой посуды или, сорвав платок с женской головы, пропитывали его вином и выжимали досуха во рты маленьким детям. Третьи устраивали из уличной грязи крошечные плотины, чтобы задержать бегущее вино, а зрители, высовываясь из окон верхних этажей, кричали им оттуда, куда потекла новая струя, и они бросались в ту сторону и ловили ее

там. Некоторые занялись исключительно обломками бочки с насевшими на них подонками, облизывали их и жадно сосали кусочки дерева, пропитанные винной жидкостью. Никаких приспособлений для уличных стоков не было на этой улице, вино не уходило в почву и все было выпито; но вместе с ним было проглочено столько грязи, что посторонний человек, незнакомый с местными нравами, мог бы вообразить, что улицу только что вычистили, чего никогда не бывало.

Все время, пока происходила эта винная забава, на улице раздавались пронзительный смех и веселые возгласы. Грубой толкотни не было; общее настроение было только шутливое и радостное. Заметна была большая общительность и стремление к товариществу, желание с кем-нибудь сблизиться; у тех, кому жилось полегче или кто был от природы беспечнее, это выражалось в том, что они обнимались, провозглашали тосты, пожимали друг другу руки или даже, сцепившись руками, танцевали группами человек по двенадцать.

Когда вина больше не осталось и те места, где оно скоплялось всего обильнее, были так чисто выцарапаны пальцами, что на них образовался решетчатый узор, все эти проявления прекратились так же быстро, как начались: Дровяник, занимавшийся пилкой дров и оставивший пилу среди полена, воротился к своему делу и снова начал пилить: женщина, поставившая у порога горшок с горячей золой, надеясь утолить ею ноющую боль своих исхудалых пальцев или согреть продрогшего ребенка, пошла к тому же порогу и унесла свой

горшок; мужчины с засученными рукавами, всклокоченными волосами и изможденными лицами, вышедшие из подвалов на свет зимнего дня, опять спустились в свои подвалы; на все окружающее налегла печать мрачного уныния, казавшаяся здесь гораздо более на месте, нежели солнечный свет и веселье.

Вино было красное и окрасило этим цветом мостовую узкой улицы в предместье Сент-Антуан[7], в Париже, где разбилась эта бочка с вином. Также окрасило оно много рук и лиц, босых ног и деревянных башмаков. Руки людей, пиливших дрова, оставили красные пятна на поленьях; у женщины, нянчившей ребенка, весь лоб был красный от той старой тряпки, которую она мочила в вине, а потом опять повязала себе на голову. Те, кто сосал деревянные клепки разбитой бочки, ходили точно тигры, вымазанные вокруг рта винной гущей, а один из них, шутник высокого роста, в грязном ночном колпаке, свесившемся длинным концом совсем на сторону, набрав грязных подонков на палец, вывел на стене: *Кровь*.

Недалеко было то время, когда и этому вину предстояло окрасить мостовую, обагряя собой многих.

И вот мрачное предместье Сент-Антуан, на минуту озарившееся случайным лучом света и радости, снова погрузилось в обычное состояние, и водворились в нем холод, грязь,

---

[7] Сент-Антуан – рабочий квартал в Париже; центр революционного брожения в конце XVIII в. и в XIX в.

болезни, невежество и нищета – могущественные приспешники, – но всех сильнее была нищета. Все эти люди побывали в ужаснейших переделках; их мололи и перемалывали на мельнице, но, конечно, не на той сказочной мельнице, из которой старые люди выходят молодыми; они дрогли у каждого угла, входили и выходили из каждой двери, выглядывали из всех окошек, трепетали на ветру под лохмотьями и грязным тряпьем. Та мельница, в которой они перемалывались, из молодых выделывала стариков. У малых ребят были старческие личики и угрюмые голоса, и на всех, в каждой заостренной черте и в каждой морщинке, была особая печать – печать голода. Он господствовал над всеми и над всем. Голод вылезал из окон высоких домов, развеваясь на палках и шестах в виде нищенских клочьев одежды; он затыкал стенные щели и оконные дыры пучками соломы, тряпья, деревянными чурками и бумагой. Голод повторялся в каждом куске скудного запаса дров, которые распиливались так скупо; он выглядывал из печных труб, из которых не валил дым, и из куч уличного мусора, в которых невозможно было отыскать никаких признаков съестного. Голод виднелся на полках булочной, в каждом куске маленьких хлебов самого плохого качества, и в колбасной лавке, где продавались сосиски из мяса дохлых собак. Голод потрясал своими иссохшими костями в железных жаровнях, где пеклись каштаны; он испарялся из каждой убогой миски, в которую накладывалась крошечная порция овощей, едва поджаренных

в нескольких каплях оливкового масла.

Окружающая обстановка ничем не противоречила этому впечатлению всеобщего голода. Улица была узкая, извилистая, грязная, вонючая; разветвлялась она на несколько точно таких же улиц, и все население ходило в лохмотьях и ночных колпаках, и всюду стоял запах лохмотьев и ночных колпаков, и на всем лежала печать изнурения и страдания. Люди имели вид загнанный и зверский, но в них все-таки проглядывало смутное сознание того, что когда-нибудь можно и огрызнуться. Как ни были они измучены и принижены, среди них не было недостатка в таких, глаза которых горели внутренним огнем; их плотно сжатые побелевшие губы изобличали силу того, о чем они умалчивали; их брови хмурились и лбы морщились наподобие висельных веревок, насчет которых они еще были в недоумении: быть ли им самим повешенными или приниматься вешать других.

На вывесках – а их было столько же, сколько и лавок, – нагромождены были все те же признаки нищеты. У мясника изображались только самые тощие части говядины или свинины; у пекаря – одни сухие ломти хлеба. У винных погребков красовались грубые изображения посетителей, сидевших над скудными порциями жидкого вина или пива и с грозными лицами сообщавших друг другу какие-то секреты. Ничто не представлялось в исправном или цветущем состоянии, исключая рабочих инструментов и оружия, но зато у продавца металлических изделий ножи и топоры так и бле-

стели, молотки были тяжеловесные, а огнестрельные снаряды убийственные.

Шероховатые камни мостовой лежали неровно, образуя множество резервуаров для воды и грязи; тротуаров совсем не было. Зато сточная канава тянулась по самой середине улицы и только тогда действительно служила для стока воды, когда выпадал проливной дождь; и тогда нередко случалось, что нечистоты, переполняя канаву, стекали прямо в дома. Поперек улицы, на значительном друг от друга расстоянии, висели на протянутых веревках с блоками неуклюжие фонари. По вечерам фонарщик спускал их, заправлял, зажигал, поднимал сызнова, и над головами прохожих печально и тускло мигали эти пучки тонких светилен, качавшихся словно ладьи на море. Да и у всех вообще почва под ногами колебалась наподобие волн морских, и над самим кораблем, и над командой собиралась буря.

Приближалась та пора, когда изголодавшиеся, изможденные пугала этих мест, вдоволь насмотревшись на неискусную работу фонарщика, вздумали воспользоваться его приспособлениями и с помощью тех же блоков и веревок вздергивать не фонари, а людей, чтобы те осветили их тьму. Но то время еще не пришло, и ветер понапрасну развевал и потрясал во всей Франции тряпки и лохмотья, навешанные на эти пугала: веселые птицы, рядившиеся в яркие перья и распевавшие свои звонкие песни, не пугались, не замечали их.

Винная лавка занимала угловое помещение и казалась

лучше и зажиточнее большинства остальных. Хозяин винной лавки стоял у дверей на улице; на нем были желтый жилет, зеленые панталоны, и он в качестве простого зрителя наблюдал происшествие с разбитой бочкой и поглощением пролитого вина.

– Это меня не касается, – заметил он, пожав плечами, – виноваты извозчики, привезшие бочку с рынка. Пускай привезут мне другую.

Тут он случайно заметил долговязого шутника, выводившего на противоположной стене свою зловещую шутку, и закричал ему через улицу:

– Слушай-ка, Гаспар, что ты там написал?

Долговязый парень с величайшим самодовольством пояснял ему свою шутку, по обычаю шутников этого рода, но не достиг своей цели и потерпел полное поражение, что также нередко с ними случается.

– Что ты? С ума, что ли, спятил? – сказал хозяин винного погреба и, перейдя через улицу, захватил полную горсть грязи и замазал ею начертанные буквы. – Разве можно писать на стенах проезжей улицы? А главное, скажи-ка мне: разве нет другого места, где гораздо удобнее записывать такие слова?

Говоря это, он, может быть, случайно, а может быть, и нет, положил ему на сердце ту руку, что почище. Парень постучал и собственным кулаком по тому же месту, подпрыгнул вверх и встал в позу фантастического плясуна, стряхнув с ноги один из своих грязных башмаков и подхватив его в про-

тянутую руку. И было в ту пору у него чрезвычайно свирепое, чисто волчье выражение лица.

– Перестань, перестань, – молвил лавочник, – надевай башмак на ногу, а вино зови вином.

Преподав такой совет, он отер выпачканную руку об одежду шутника, нисколько не церемонясь, так как из-за него же и набрал грязи в ладонь, затем он снова перешел через улицу и вошел в свою лавку.

Хозяин винного погреба был человек с бычачьей шеей и воинственной осанкой, от роду лет тридцати и, вероятно, очень горячего темперамента, судя по тому, что в такую стужу пиджак у него не был надет, а наброшен внакидку только на одном плече. Рукава его рубашки были засучены, и смуглые руки оголены по самые локти; на голове тоже ничего не было, кроме собственных, коротко подстриженных курчавых черных волос. Он был смуглый брюнет с красивыми глазами, достаточно широко расставленными.

Общее выражение его лица было, пожалуй, добродушное, но непреклонное: было очевидно, что он человек решительный и знает, чего хочет, и что плохо будет тому, кто с ним встретится лицом к лицу на узкой тропинке с бездонными пропастями по сторонам: не уступит дороги.

Жена его, мадам Дефарж, сидела в лавке за конторкой, когда он вошел. Мадам Дефарж была женщина одного с ним возраста, плотного телосложения, с зоркими глазами, которые редко на что-либо смотрели прямо, с крупными руками,

множеством перстней на пальцах, с резкими чертами, холодным выражением лица и необыкновенным спокойствием манер. Ее особа производила такое впечатление, что она только редко могла ошибиться в тех расчетах, какие приходилось ей делать. Мадам Дефарж была чувствительна к холоду и потому куталась в меховую кофточку, а голова ее была повязана пестрым платком так, однако же, что ее уши с украшавшими их длинными серьгами были на виду. Ее вязанье лежало перед ней на конторке, и она в эту минуту ковыряла у себя в зубах спицей, подпирая правый локоть левой ладонью. Когда муж вошел, мадам Дефарж ничего не сказала, а только один раз тихо кашлянула и при этом слегка подняла свои резко очерченные черные брови. Этого было достаточно, чтобы муж догадался, что нелишне будет хорошенько осмотреться вокруг и взглянуть на новых посетителей, которые могли войти в лавку, пока он отлучался на улицу.

Хозяин погребка повел глазами вокруг стен и действительно приметил пожилого господина и молодую девушку, сидевших в углу. Были и другие посетители: двое играли в карты, двое играли в домино и еще трое стояли у прилавка, стараясь как можно дольше прихлебывать небольшие порции вина. Проходя за прилавок, Дефарж заметил, что пожилой господин глазами указал на него своей соседке, как бы желая сказать: «Вот он!»

«Желал бы я знать, что вам нужно здесь? – подумал про себя мсье Дефарж. – Я вас сроду не видывал».

Однако он притворился, что не видит этих незнакомых людей, и вступил в разговор с тремя посетителями, попивавшими вино у прилавка.

– Ну как идет дело, Жак? – молвил один из троих, обращаясь к Дефаржу. – Все ли пролитое вино выпили?

– Все до капли, Жак, – отвечал господин Дефарж.

После такого обмена одним и тем же христианским именем мадам Дефарж, не переставая ковырять спицей в зубах, опять тихо кашлянула и подняла брови еще крошечку повыше.

– Да, – сказал другой из троих посетителей, также обращаясь к Дефаржу, – многим из этих жалких скотов не часто приходится отведывать вина, они только и знают вкус черного хлеба да голодной смерти. Не так ли, Жак?

– Именно так, Жак, – отвечал господин Дефарж.

Вторично произошел обмен христианским именем.

Мадам Дефарж, все так же орудуя спицей, еще раз кашлянула и еще немножко подняла брови.

Третий посетитель поставил на прилавок свой пустой стакан, почмокал губами и сказал, в свою очередь:

– Ах, что и говорить! Горький вкус во рту у этих бедняков, и тяжко им живется, Жак! Правду ли я говорю, Жак?

– Чистую правду, Жак, – отвечал мсье Дефарж.

Как только они в третий раз произнесли то же имя, мадам Дефарж перестала ковырять в зубах, но, все еще подняв брови, слегка завозилась на своем месте.

– Ага… правда! – пробормотал ее супруг себе под нос. – Господа, тут жена моя!

Все трое посетителей, пившие вино, сняли шляпы и раскланялись с мадам Дефарж. Она отвечала на их приветствие, слегка кивнув им и быстро взглянув на каждого поочередно. Потом она спокойно обвела глазами всю лавку, взяла вязанье и тотчас углубилась в свое рукоделие с самым безмятежным видом.

– Господа, – сказал Дефарж, все время не спускавший с жены своих блестящих глаз, – позвольте пожелать вам доброго утра. Та меблированная комната, устроенная на холостую ногу, про которую вы спрашивали, пока я отлучался из дому, еще не занята, и вы можете ее посмотреть, коли угодно. Она в пятом этаже. Вход на лестницу со двора, вот тут, налево, возле моего окна, – продолжал он, указывая рукою. – Да впрочем, помнится, один из вас уже побывал там, так он и покажет дорогу. Доброго утра, господа!

Они заплатили за вино и ушли. Мсье Дефарж смотрел на жену, углубленную в вязание; пожилой джентльмен выступил из своего угла и, подойдя к хозяину, попросил позволения сказать ему несколько слов.

– К вашим услугам, сударь, – сказал Дефарж, спокойно отходя к двери.

Беседа была очень короткая, но решительная. Почти с первого слова мсье Дефарж встрепенулся и выказал глубочайшее внимание. Не прошло и минуты, как он кивнул и вы-

шел. Пожилой джентльмен сделал знак молодой девушке, и они также вышли. Мадам Дефарж продолжала проворно шевелить спицами, но бровью не повела и ничего не видала.

Мистер Джервис Лорри и мисс Манетт, выйдя вслед за хозяином, отправились через двор в ту самую дверь, куда он только что указал вход троим посетителям.

Дворик был тесный, вонючий, обставленный высокими домами с очень густым населением. Войдя в мрачные сени, выстланные черепицей и ведшие на мрачную лестницу из того же материала, мсье Дефарж преклонил колено перед дочерью своего прежнего барина и поцеловал ее руку. Поступок был любезный, но вид у него был при этом далеко не любезный. В несколько секунд он весь точно преобразился: куда девалось открытое и веселое выражение его лица? Теперь это был скрытный, обозленный, опасный человек.

– Очень высоко придется вам влезать, да и лестница крутая. Начинайте полегоньку, – сказал мсье Дефарж суровым голосом мистеру Лорри, пройдя первые ступени.

– Он там один? – шепнул ему мистер Лорри.

– Один. Оборони бог, кому же с ним быть-то? – отвечал Дефарж так же тихо.

– Значит, он всегда один?

– Всегда.

– По собственному желанию?

– По необходимости. Каким я застал его в тот день, как меня разыскали и спросили, согласен ли я взять его к себе

и ради собственной безопасности держать под секретом, – каким застал его тогда, такой же он и теперь.

– Сильно изменился?

– Изменился!

Хозяин винного погребка приостановился, стукнул кулаком в стену и пробормотал ужаснейшее проклятие. Трудно было представить себе более выразительный ответ. Мистер Лорри чувствовал, что на душе у него становилось все тяжелее по мере того, как они поднимались все выше. В старых кварталах Парижа, наиболее населенных, подобная лестница, с обычной для нее обстановкой, и теперь еще представляет собой довольно неприятное явление; но в те времена это было нечто ужасное, особенно для непривычных или брезгливых людей. Из каждого жилья внутри этого громадного и грязного гнезда, то есть из каждой двери, выходившей на одну общую лестницу высокого дома, вываливали на площадку всякий мусор и нечистоты помимо тех нечистот, которые выбрасывались из окошек прямо во двор или на улицу. Постоянное и безнадежное накопление таких мусорных куч и гниение их на месте, во всяком случае, заражает воздух; но помимо этого он был отягчен теми неуловимыми миазмами, которые исходят от бедности, и обе причины, действуя сообща, образовали нечто совершенно невыносимое. В такой-то атмосфере приходилось влезать по крутой полутемной лестнице на самый верх. Уступая собственным расстроенным чувствам и очевидному волнению своей маленькой спутни-

цы, мистер Джервис Лорри дважды останавливался передохнуть. Эти передышки делались у печальных отверстий, заделанных решетками, через которые, казалось, уносились последние следы чистого воздуха, а снаружи вползали испарения всевозможной заразы. Среди заржавленных перекладин решетки скорее можно было уловить запахи, нежели виды тесно скученных окрестных зданий; и ни вблизи ни вдали не видно было ни единого намека на возможность чистого воздуха и здоровой жизни, за исключением двух высоких башен собора Парижской Богоматери.

Взобравшись на верхнюю площадку, они еще раз остановились отдохнуть. Отсюда еще более узкие и крутые ступеньки вели выше, в чердачное помещение. Хозяин винной лавки, все время шедший впереди и державшийся со стороны мистера Лорри как бы из страха, что молодая девушка задаст ему затруднительный вопрос, прислонился к стене и, нащупав карманы сюртука, висевшего у него на плече, вытащил оттуда ключ.

– Стало быть, вы запираете дверь, мой друг? – сказал удивленный мистер Лорри.

– Как же! Всегда, – смущенно ответил мсье Дефарж.

– Считаете нужным все-таки держать несчастного джентльмена взаперти?

– Считаю нужным запирать дверь на ключ.

Эти слова Дефарж прошептал ему на ухо и при этом страшно нахмурился.

– Почему так?

– А потому, что так долго он жил взаперти, что испугался бы, стал бы биться о стены, пришел бы в бешенство, пожалуй умер бы, наделал бед, если бы оставить его дверь раскрытой.

– Может ли быть! – воскликнул мистер Лорри.

– И даже очень может, – сказал Дефарж с горечью. – Да, нечего сказать, в хорошее времечко мы живем, коли возможны такие вещи, да мало ли и других, им подобных! И все это не только возможно, оно и случается, всякий божий день случается, изволите видеть, среди бела дня… Черт возьми! Ну, идем дальше.

Эти переговоры происходили так тихо, что ни одно слово не достигло ушей молодой девушки. Тем не менее она так дрожала от внутреннего волнения и лицо ее выражало такую глубокую тревогу и, главное, такой страх и ужас, что мистер Лорри счел своей обязанностью ободрить ее и успокоить:

– Мужайтесь, дорогая мисс! Вооружитесь твердостью. Дело житейское! Еще минута – и конец. Вот сейчас войдем, и самая тяжкая часть дела будет сделана. А потом уж пойдет другое: подумайте, сколько добра вы ему сделаете, какую отраду, какое счастье принесете с собой. Позвольте и нашему любезному спутнику поддержать вас с другой стороны. Вот так, друг Дефарж. Так-то лучше будет. Ну вот и отлично. Дело житейское!

Они поднимались медленно и осторожно. Ступеней было не много, и они скоро очутились наверху. Но тут площад-

ка внезапно заворачивала в сторону, и они сразу увидели перед собой троих людей, которые, сомкнувшись головами, стояли, наклонившись перед дверью, и пристально смотрели внутрь комнаты, приставив глаза к щелкам и дырам в стене. Услыхав за собой шорох, все трое обернулись, выпрямились и оказались теми самыми посетителями, которые пили вино в лавке и назывались одним и тем же именем.

– Я о них и позабыл, так вы меня озадачили вашим посещением, – объяснил Дефарж мистеру Лорри. – Уходите отсюда, ребятушки, у нас здесь дело есть.

Те проскользнули мимо них и, ни слова не говоря, стали спускаться с лестницы.

Так как другой двери на этой площадке не было, то хозяин погребка направился прямо к ней, и, как только они остались одни, мистер Лорри довольно сердитым шепотом спросил у него:

– Что же, это вы нарочно показываете публике господина Манетта?

– Да, я его показываю вот точно так, как вы сейчас видели, но только некоторым избранным лицам.

– И по-вашему, это хорошо?

– *По-моему,* хорошо.

– Кто же эти избранные? Что руководит вашим выбором?

– Я выбираю из среды настоящих людей, одного со мной имени – меня зовут Жак – и таких, которым полезно это видеть. Впрочем, что об этом говорить. Вы англичанин; это

совсем иное дело. Посторонитесь, пожалуйста, и постойте здесь минутку.

Пригласив их рукой отойти немного в сторону, он нагнулся и сквозь щель в стене посмотрел внутрь чердака. Потом, выпрямившись, раза два или три стукнул в дверь, очевидно, затем только, чтобы произвести некоторый шум. С той же целью он несколько раз шаркнул ключом поперек двери, неуклюже потыкал им в замочную скважину, наконец, вставил ключ и повернул его как можно громче.

Дверь медленно растворилась внутрь, он заглянул туда и сказал что-то. В ответ ему послышался слабый голос. С обеих сторон произнесено было чуть ли не по одному слову.

Дефарж оглянулся через плечо и поманил их за собой.

Мистер Лорри крепко обвил рукой вокруг пояса молодую девушку и поддерживал ее, чувствуя, что иначе она сейчас упадет.

– Это визит деловой, деловой… – бормотал мистер Лорри, между тем как по щеке его скатилась капля влаги совсем не делового характера.

– Пойдемте, пойдемте.

– Я боюсь, – прошептала она, вздрагивая.

– Чего вы боитесь? Кого?

– Его боюсь… отца!

Видя ее в таком положении, а с другой стороны, заметив, как настойчиво манил их за собой мсье Дефарж, мистер Лорри с отчаянной решимостью перекинул себе на шею ее руку,

дрожавшую на его плече, приподнял ее за талию и протащил через порог. Он поставил ее к стене рядом с дверью и продолжал крепко держать, между тем как она сама уцепилась за него.

Дефарж вынул ключ, затворил дверь и запер ее изнутри, потом опять вынул ключ и не выпускал его из руки. Все это он проделал методически, нарочно производя как можно больше шума и стукотни. Наконец он мерным шагом прошел через комнату в тот конец, где находилось окно. Тут он остановился и повернулся лицом к двери.

Чердак, предназначенный для хранения дров и хозяйственных запасов, очень слабо освещался. Единственное слуховое окно было, в сущности, дверью, выходившей на крышу; над ним было устроено нечто вроде блока или журавля для подъема тяжестей с улицы. Окно было без стекол, растворялось на две половинки, как почти все окна и двери во Франции, и защищено изнутри ставнями. Ради защиты от холода одна половина была плотно затворена, а другая чуть-чуть открыта. Через эту щель так мало света проникало на чердак, что в первую минуту казалось, будто там совсем темно и ничего не видно; только долговременная привычка могла дать человеку возможность постепенно научиться что-либо делать и даже довольно искусно работать в такой темноте. Однако же на этом чердаке производилась такая работа.

Спиной к входной двери и лицом к окну, под которым остановился Дефарж, сидел на низкой скамейке совершенно

седой человек; подавшись всем телом вперед и понурив голову, он был очень занят: тачал башмаки.

Глава VI
Башмачник

– Доброго утра, – молвил мсье Дефарж, глядя сверху вниз на седую голову, низко наклонившуюся над работой.

Седая голова приподнялась на минуту, и очень слабый голос прозвучал как бы издали, отвечая на приветствие:

– Доброго утра!

– Вы, я вижу, все так же усердно работаете?

После долгого молчания голова опять приподнялась на минуту, и голос произнес: «Да, работаю», но на этот раз блуждающий взгляд на секунду обратился на собеседника, потом снова поник.

Слабость этого голоса возбуждала жалость и страх. То была не только физическая слабость: долгое заключение в тюрьме и плохая пища тоже играли здесь роль; главной и наиболее поразительной особенностью голоса была порожденная одиночеством отвычка говорить и слушать. Этот голос был похож на слабое эхо давно-давно минувшего звука. Из него до такой степени исчезли и жизненность, и звучность человеческой речи, что он производил впечатление когда-то яркого и красивого цвета, вылинявшего до едва заметного бледного пятна. Он был так сдавлен и глух, как будто выходил из-под земли, представлял воображению существо до того безнадежное, изнемогающее и одинокое, что, если бы ото-

щалый путник, сбившийся с дороги среди далекой пустыни, лег на землю умирать, таким именно голосом должен был он вспомнить родной дом и проститься с далекими друзьями.

Несколько минут он молчал, продолжая работу, потом снова поднял свои блуждающие глаза – не из любопытства, нет, но с машинальным намерением взглянуть, тут ли его единственный посетитель или уже ушел.

– А я, – сказал Дефарж, не спускавший глаз с башмачника, – хочу вот впустить сюда побольше свету. Вам ничего, если будет посветлее?

Башмачник перестал работать; прислушиваясь с рассеянным видом, он взглянул на пол, направо от себя, потом посмотрел налево и, наконец, перевел глаза на Дефаржа.

– Вы что сказали? – молвил он.

– Я спрашиваю, можете ли вы переносить свет, коли я впущу его побольше?

– *Должен* перенести, коли вы впустите. (На первом слове он сделал нечто вроде ударения.)

Дефарж растворил ставень немного шире и укрепил его на время в этом положении. Широкий луч света скользнул в чердачное помещение и озарил прекратившего свое занятие башмачника с неоконченной работой на коленях. Кое-какие простые инструменты и обрезки кожи лежали у его ног и рядом с ним на скамейке. У него была седая борода, грубо подстриженная, но не длинная, исхудалое лицо и необыкновенно блестящие глаза. Из-под черных бровей и спутан-

ных седых волос эти глаза казались огромными благодаря крайней худобе его лица; они были велики от природы, но теперь производили впечатление неестественной величины. Пожелтевшая изодранная рубашка была расстегнута у горла, и в прорехе виднелось изможденное, тощее тело. И сам он, и его старая холщовая куртка, и слишком просторные, спустившиеся вниз чулки, и все эти жалкие лохмотья были так долго лишены непосредственного действия света и воздуха, что приняли однообразно тусклый желтоватый оттенок пергамента, и трудно было сказать, где тело и где одежда.

Он заслонил глаза рукой от хлынувшего в комнату света, и казалось, что даже кости этой руки прозрачны. Он все сидел в одном положении, пристально устремив в пространство безучастный взор и приостановив работу. Перед тем как взглянуть на стоявшего перед ним человека, он озирался по сторонам, как будто потерял привычку согласовать занимаемое человеком место с его голосом. Оттого он говорил так медленно, а иногда и совсем не говорил.

– Вы хотите сегодня же окончить эту пару башмаков? – спросил у него Дефарж, сделав мистеру Лорри знак подойти ближе.

– Что вы сказали?

– Вы думаете сегодня окончить эту пару башмаков?

– Не могу сказать, чтобы думал. Вероятно, да. Я не знаю.

Однако вопрос напомнил ему о башмаках, и он принялся за работу.

Мистер Лорри молча подошел, оставив молодую девушку у двери. Он уже стоял минуты две подле Дефаржа, когда башмачник оглянулся на них. Он не удивился, увидев другого гостя, но дрожащими пальцами одной руки провел по своим губам (и губы, и ногти были у него одного и того же бледно-свинцового оттенка), потом его рука опять упала на колени, и он углубился в свою работу. Все это продолжалось не более минуты.

– К вам гость пришел, видите? – сказал господин Дефарж.

– Что вы сказали?

– Гость пришел.

Башмачник опять взглянул на него, но не оторвался от работы.

– Послушайте-ка, – сказал Дефарж, – вот этот господин знает толк в хорошо сшитой обуви. Покажите ему башмак вашей работы. Возьмите у него башмак, мсье.

Мистер Лорри взял в руки башмак.

– Вы скажите этому господину, какого сорта эта обувь и кто ее сделал.

Молчание длилось еще долее прежнего, и башмачник сказал наконец:

– Я позабыл, о чем вы спрашивали. Что вы сказали?

– Я сказал, не можете ли объяснить этому господину, что это за башмак?

– Это дамский башмак… Для молодой девушки… на гулянье. Нынче такая мода… Я моды не видал… Но у меня

была модель.

Он посмотрел на башмак с оттенком мимолетной гордости.

– А как же зовут мастера? – сказал Дефарж.

Теперь, когда у него в руках не было работы, башмачник стал зажимать правые пальцы в левую ладонь, затем левые пальцы в правую, потом провел рукой по бороде, и так несколько раз подряд, не переставая передвигать руками. Побороть его рассеянность, пробудить внимание, отвлекавшееся в сторону каждый раз, как он произносил что-нибудь, было почти так же трудно и хлопотливо, как приводить в чувство человека, находящегося в обмороке, или добиться определенного ответа от умирающего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.